

М.И. Богачёв, преподаватель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

ОТ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ПОСТ-БИХЕВИОРАЛИЗМУ: ИСТОРИЯ ПАРАДИГМЫ

Bogachev Maksim Igorevich, lecturer National research university higher school of economics / Russian Presidential academy of national economy and public administration, e-mail: bogachev2008@mail.ru

FROM THE BEHAVIORAL ANALYSIS TO POST-BEHAVIORALISM: HISTORY OF PARADIGM

Статья посвящена обзору становления и упадка бихевиоралистской парадигмы в политологии. Автор начинает анализ с критического рассмотрения научных концепций, предшествующих появлению модернистского эмпиризма, в рамках которого возникает поведенческий анализ. Далее исследователь прослеживает путь становления бихевиоризма в русле обществоведческих дисциплин: формирование модели в психологии, выход теории за пределы чистой психологии и перенесение ее идей сначала в социологию, а после и в политологию. Автор анализирует гносеологические запросы бихевиорализма к научной теории и раскрывает принципы бихевиорализма как политологической парадигмы. В работе представлены концептуальные и контекстуальные факторы, способствовавшие спаду популярности бихевиорализма в политической науке, рассматриваются его методологические ограничения. Автор излагает основные претензии критиков к данному исследовательскому подходу и объясняет причины упадка данной парадигмы. Вместе с тем, в работе отражена и методологическая рефлексия бихевиорализма, последовавшая за спадом его популярности, раскрыты принципы нового направления — пост-бихевиорализма, а также изложена позиция современных представителей поведенческого анализа по некоторым методологическим вопросам.

Ключевые слова: политология, социология, поведенческий анализ, бихевиорализм, бихевиоризм, методология, парадигма.

Article is devoted to the review of formation and decline of behavioralism paradigm in political science. The author begins the analysis with critical consideration of the scientific concepts preceding emergence of modernist empiricism within which there is a behavioral analysis. Further the researcher traces formation behaviorism in the social disciplines: formation model in psychology, release of the theory out of

* **Богачёв Максим Игоревич**, e-mail: bogachev2008@mail.ru

limits of pure psychology and transferring ideas in sociology and political science. The author analyzes inquiries to the scientific theory by behavioralism. He opens the principles of behavioralism as paradigm in political science. The author presents the conceptual and contextual factors promoting recession of popularity behavioralism in political science and submits methodological restrictions approach. The author states the main claims of critics to this research approach and explains the reasons decline this paradigm. At the same time the methodological reflection of behavioralism which has followed recession of his popularity is reflected in work. The author opens the principles of the new methodological direction – post-behavioralism and the position of modern representatives of the behavioral analysis.

Keywords: *political science, sociology, behavioral analysis, Behavioralism, behaviorism, methodology, paradigm.*

Одно и то же явление может быть объяснено в рамках нескольких научных парадигм. При этом интерпретации, предлагаемые различными исследовательскими моделями, могут кардинальным образом отличаться друг от друга. Это возможно ввиду того, что образцы научных исследований, транслируемые парадигмами, акцентируют внимание на различных составляющих человеческой жизни, ставят во главу угла неодинаковые элементы и процессы. Более того, отличающиеся воззрения на предмет исследования могут быть даже у теорий, сосуществующих в рамках одной парадигмы.

Между тем, не стоит тешить себя надеждами найти универсальную методологию. Вопрос: “А какая парадигма лучше?”, – имеет ценностный характер, а потому не применим к академической сфере. Каждая парадигма имеет свои сильные и слабые стороны, свои уникальные способности и ограничения. Эффективность и эвристичность использования различных методологий применительно к одному и тому же явлению будут ощутимо колебаться в зависимости от характера изучаемого предмета, окружающих его условий. Профессионализм исследователя заключается в знании плюсов и минусов каждого исследовательского подхода и умении соотносить преимущества того или иного подхода в процессе изучения конкретной проблемы, исследовательского вопроса: используемая методология должна быть адекватна разрабатываемой проблеме, а применяемый метод должен быть реализуем на практике.

Зачастую причиной получения ложных заключений из истинных посылок при корректных исследовательских процедурах является выбор методологии не конгруэнтной целям, задачам и предмету исследования. Однако при корректном установлении границ возможностей того или иного методологического подхода и соотношении накладываемых им ограничений с целями и задачами

планируемой работы исследователь может провести качественный анализ изучаемой проблемы, не вызывающий нареканий со стороны научного сообщества. Остается лишь установить эти границы...

Предтеча появления поведенческого анализа в политической науке

Общественный запрос, предъявляемый к социальной теории, заключается в потребности наличия модели, которая бы *объясняла*, происходящие в обществе процессы и *позволяла сделать правдивые прогнозы* о развитии текущей ситуации в дальнейшем. Вскоре после того как существующая модель утрачивает свою объяснительную, а главное прогностическую силу, на ее место приходит новая теория, которая, как минимум, рекомендует использовать иной набор инструментов или же сменить исследовательский фокус, а как максимум, предлагает иное видение сложившегося порядка и провозглашает потребность в изменении принципов исследовательского процесса.

Так взамен социальным теориям, выработанным в рамках философского подхода, пришли концепции, базирующиеся на принципе историцизма. Философские теории, как правило, либо описывали должное устройство идеального мира, либо объясняли “причины” сложившегося положения дел, руководствуясь при этом волюнтаристскими основаниями. Значимость философских теорий в деле прояснения процессов, происходящих в обществе в текущий момент времени, равно как и в формулировании прогнозов была незначительна.

Теории, выстраиваемые в рамках историцизма, в своих основаниях опирались на исторические данные, стараясь при этом отразить телеологическую логику исторического процесса. Однако обилие исторических данных, подчас позволяющее выстроить и фактологически подтвердить абсолютно противоположные теории, в совокупности с недостаточной степенью достоверности определенных событий в значительной мере ослабляли эвристический потенциал историцистских моделей. Историцизм справлялся с объяснением, но не с предсказанием событий. Социальные теории, сформированные на историцистском базисе, не смогли предсказать появления новых для мирового сообщества феноменов — мировых войн и фашистской идеологии, хотя постфактум убедительно объяснили причины их появления и вписали в общую логику исторического процесса.

На смену историцизму пришел принцип модернистского эмпиризма. В процессе формирования теорий эмпирики стали оперировать не непрерывной исторической логикой развития, а дискретными

элементами, подлежащими упорядочиванию, — структурами, системами, взаимосвязями. История для представителей модернистского эмпиризма перестала быть объяснительной моделью, но осталась источником данных¹. В политологии данный принцип широко использовался представителями старого институционализма.

Прорывы в социологии² и ряде естественнонаучных дисциплин, сопрягавшиеся с своеобразным разочарованием в познавательных способностях (методологических основаниях и инструментарии) социальных наук, потенциал которых был дезавуирован на фоне не понимания происходящих в мире процессов (в частности, приход фашистов и нацистов к власти в Европе), привели к развитию идей модернистского эмпиризма и попытке приложения исследовательского инструментария естественных наук к социальным процессам. В политической науке перигеем данного процесса стало формирование новой исследовательской парадигмы, получившей наименование бихевиорализм³, а апогеем — становление теории рационального выбора.

Однако политологи были далеко не первыми учеными, отважившимися применить в своих исследованиях методы, ранее считавшиеся уделом естественнонаучных дисциплин. Первопроходцами в деле апробации естественнонаучного инструментария применительно к человеческому и социальному материалам являлись психологи Чикагского университета, увидевшие в психоанализе З. Фрейда и изучении “сознания” слишком много субъективизма⁴. “Вместо интроспективных попыток прорваться к иллюзорной и донаучной области разума американские бихевиористы провозгласили предметом научной психологии законы явного поведения”⁵.

Родоначальник бихевиоризма Дж. Уотсон считал, что в основе научной теории должен лежать объективный фактологический материал, а не результат субъективного самонаблюдения пациента, научным может считаться лишь то, что находит объективное подтверждение, поэтому фокусировать внимание следует не на изучении неосознанного сознания, а на всеми фиксируемых поведенческих актах человека. В качестве универсальной схемы человеческого

¹ *Bevir M.* Meta-methodology: clearing the underbrush // *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford, 2008. P. 48–70.

² В частности, открытие репрезентативной выборки в 1936 г.

³ *Berndtson E.* Behavioralism: origins of the concept', prepared for presentation at the XVIIth World Congress of the International political science association August 17–21, 1997 Seoul, Korea. URL: <http://www.mv.helsinki.fi/home/berndtso/behavior.htm> (accessed: 27.03.2015).

⁴ *O'Donohue W., Kitchener R.* Handbook of behaviorism. Boston, 1999.

⁵ *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М., 2009. С. 45.

поведения бихевиористы рассматривали модель стимул-реакция (S–R), предполагалось, что стимул определяет характер и тип реакции, побуждает организм вести себя определенным образом. Проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий замеры выявили наличие пробелов в данной схеме. В частности было зафиксировано, что один стимул может повлечь за собой наступление множества реакций. Наличие вариативности в реакциях индивидов стало объектом изучения оперантного бихевиоризма – направления, разрабатываемого Б. Скиннером. Ученый модернизировал привычную схему, добавив в нее (O) – промежуточные переменные (S–O–R). В роли основной промежуточной переменной Б. Скиннер рассматривал подкрепление, следующее за определенной реакцией индивида. Различия в реакциях индивидов на один и тот же стимул он объяснял неодинаковым подкреплением реакции в прошлом. Многочисленные эксперименты Б. Скиннера над животными и людьми показывали, что реакция, за которой следовало негативное подкрепление, минимизировалась, в то время как реакция, за которой следовало позитивное подкрепление, повторялась. Иными словами, различия в поведении индивидов связывались с процессом научения, предшествующим опытом взаимодействия со средой, социализацией. Данные идеи выходили за рамки чистой психологии как науки о психической деятельности человека и групп людей, и вскоре были подхвачены представителями дисциплины, фокусирующей внимание непосредственно на взаимоотношениях индивида и общества, – социологии.

В социологии положения модернизированного Б. Скиннером психологического бихевиоризма нашли отражение сразу в двух подходах – теории социального обмена (Дж. Хоманс и П. Блау) и символическом интеракционизме (Дж. Мид). Теория социального обмена в бихевиористской схеме делает акцент на подкреплении. Она рассматривает индивидов как гедонистов, ищущих вознаграждений за свои действия и стремящихся избежать страданий. Стараюсь максимизировать свою полезность, индивиды вступают во взаимоотношения обмена, при этом принятие решения об исполнении обязательств перед контрагентом происходит при опоре на результаты предыдущих социальных взаимодействий. В свою очередь символический интеракционизм (Дж. Мид, являющийся представителем Чикагской социологической школы, называл свою теорию социальным бихевиоризмом), сохраняя схему (S–O–R), в качестве промежуточной переменной рассматривает интерпретацию. В данной модели для последующего действия индивида важен не столько стимул, сколько его интерпретация. Индивид замечает сти-

мул (предмет или явление), оценивает его, придает ему собственное или считает уже существующее значение и только после этого действует, сообразно со значением стимула.

Использование бихевиористской модели для объяснения явлений социального характера неизбежно затрагивало проблематику политического. И обменный характер социальных отношений, и символическое столкновение социальных ролей встречались с социально создаваемым феноменом власти, что способствовало перенесению изначально психологической модели в политологию. Ч. Мерриам, основатель Чикагской школы политологии, был одним из первых деятелей политической науки, начавшим использовать бихевиористскую схему применительно к политическим явлениям. В данных начинаниях его активно поддерживали близкие к психологии и социологии Г. Лассуэл и П. Лазарсфельд. Эти исследователи внесли огромный вклад в развитие политической науки в целом и таких ее субдисциплин, как политическая социология и политическая психология. Направление, в котором они работали, на несколько десятилетий заняло позиции доминирующей парадигмы в политической науке и получило наименование бихевиорализма.

Бихевиорализм (поведенческий анализ)

Целью бихевиорализма стало превращение социальной науки в точную дисциплину, очищенную от субъективизма и идеологической окрашенности и редуцированную лишь до данных верифицируемых наблюдений⁶. Бихевиоралисты сместили исследовательский фокус с изучения формальных институтов на поведение индивидов (акторов), сделав тем самым единицей своего анализа поведенческий акт.

Отцами-основателями бихевиорализма в политической науке стали Д. Трумен, П. Геринг, П. Одегард, В. Кей. Примечательно, что весомый вклад в формирование парадигмы также внесли авторы, формально бихевиоралистами не являвшиеся. Такие общепризнанные биографы и систематизаторы бихевиорализма, как Д. Истон, Р. Даль, Х. Эйлау, в группу родоначальников поведенческого анализа не входили (хотя Р. Даль был близким другом В. Кея) и свои основные труды писали в рамках иных методологических парадигм.

С точки зрения бихевиоралистов, теория должна конструироваться лишь на основании реально зафиксированных (эмпирически

⁶ *Truman D.* The impact on political science of the revolution in the behavioral sciences // *Research Frontiers in Politics and Government*. Washington, 1955.

достоверных) фактов⁷. Теорией может считаться лишь совокупность зафиксированных на эмпирическом материале закономерностей. Соответственно, для того чтобы построить качественную теорию, необходимо неоднократно подтвердить наличие того или иного явления, процесса, причем на различных данных⁸. Лишь зафиксировав значительное количество событий, возможно проследить определенную взаимосвязь, закономерность, которая реально существует, а не является плодом чьего-то воображения. По мнению бихевиоралистов, только созданная на подобных основаниях теория может и объяснять происходящие в обществе процессы, и предсказывать их дальнейшее развитие⁹.

Основные принципы бихевиорализма как политологической парадигмы были изложены Д. Истоном¹⁰. Политолог редуцировал воззрения бихевиоралистов до восьми положений:

1. **Закономерности.** С точки зрения бихевиоралистов, в поведении индивидов существуют устойчивые закономерности, которые можно зафиксировать путем наблюдения. В качестве универсальной закономерности, характеризующей любой поведенческий акт, бихевиоралисты использовали модель “стимул+реакция=поведение”.

2. **Верификация.** Из выявленных эмпирическим путем закономерностей можно построить опытную теорию, которая будет не только объяснять происходящие процессы, но и прогнозировать их развитие. Научной может считаться только эмпирически подтвержденная теория. Все компоненты бихевиоралистской теории должны поддаваться проверке и быть потенциально фальсифицируемыми.

3. **Надежность и обоснованность методики, строгость методов.** От обоснованности методов и методики исследования, а также строгости их соблюдения напрямую зависит результат фиксируемых поведенческих актов. В связи с этим ученые должны особое внимание уделять проработке методик и совершенствованию методов исследования.

4. **Квантификация.** Бихевиоралисты стремились к снижению степени исследовательского субъективизма путем использования естественнонаучных математизированных статистических (коли-

⁷ Sanders D. Behaviouralism // Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

⁸ Easton D. Political science in the United States: past and present // International Political Science Review (Revue internationale de science politique). 1985. Vol. 6. N 1. P. 133–152.

⁹ Easton D. The current meaning of behaviouralism // Contemporary Political Analysis / Ed. by J.C. Chatsworth. N.Y., 1967.

¹⁰ Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism // Limits of Behavioralism in Political Science / Ed. by J.C. Chatsworth. Philadelphia, 1962. P. 7–8.

чественных) методов, что в свою очередь требовало оцифровки (перевода в цифровой вид) социальных явлений и сбора значительного количества наблюдений (больших массивов данных). Однако данное требование не являлось обязательным, в особенности для бихевиоралистов, использующих качественные методы. “Количественный анализ должен использоваться не ради самого себя, а только в тех случаях, когда он возможен, релевантен и значим для достижения целей исследования”¹¹. Для бихевиоралистов “значение имело не то, являются ли методы анализа количественными или качественными, а то, что, с одной стороны, они используются для оценки высказанных предположений; а с другой — что данные используются систематически, а не иллюстративно”¹².

5. Ценности. Ученый должен быть свободен от оценочных суждений и идеологических предвзятостей. Задача политолога — констатация фактов, а не выражение этических суждений. При сохранении аутентичности исследовательского инструментария и соблюдении строгости его использования исследовательская работа может быть объективной, т.е. лишенной ценностных воззрений ученого и общества.

6. Систематичность. Эмпирическое исследование не является самоцелью, оно всегда направлено на умножение и систематизацию уже существующей теории. Эмпирическое исследование всегда должно быть ориентировано на теорию, а теория — на эмпирическое подтверждение. По словам Д. Истона, “исследование, не изученное теорией, может оказаться тривиальным, а теория, не подтвержденная эмпирикой, — бесполезной”¹³. Поэтому целью любого исследования должно являться доказательство или же опровержение уже существующей теории. Из этого положения вытекает важное для бихевиоралистов следствие — гипотеза исследования должна фундаментироваться на положениях уже существующих теорий.

7. Чистая наука. Бихевиорализм декларирует приоритет научного знания перед знанием прикладным, ориентированным на решение конкретных социальных проблем. В логике “академизма” ученый должен отдавать приоритет исследованиям, направленным на фундаментальное понимание и объяснение того или иного феномена, а не проектам, нацеленным на решение остро стоящих социальных проблем. С точки зрения бихевиорализма, ученому чтобы дать правильную рекомендацию, необходимо досконально изучить

¹¹ *Eesuola K.* Political behavior. Lagos, 2013. URL: http://www.nou.edu.ng/NOUN_OCL/pdf/SASS/POL318%20POLITICAL%20BEHAVIOR.pdf (accessed: 27.03.2015).

¹² *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (дата обращения: 27.03.2015).

¹³ *Easton D.* Introduction: the current meaning of behavioralism. P. 7.

искомый объект, а это возможно только при приоритете “чистого” научного знания, в ином случае исследователь может дать неправильную рекомендацию. Данное положение снимает с ученых ответственность за отказ от решения насущных, но плохо понимаемых социальных проблем, в пользу конкретизированных теоретических изысканий.

8. Интеграция. Бихевиорализм утверждает потребность в объединении знаний и методов различных социальных наук в процессе постижения окружающей действительности. Сближение различных дисциплин позволит учитывать достижения других наук, что должно способствовать выявлению позитивистского знания¹⁴.

Расцвет бихевиорализма в политической науке пришелся на первые десятилетия после окончания Второй мировой войны. В это время исследовательский фокус политологического мейнстрима был перенесен с изучения институтов на политическое поведение человека и анализ факторов, влияющих на его электоральные предпочтения. Установление и многократное эмпирическое подтверждение взаимосвязей между различными социальными характеристиками (такими, как пол, возраст, образование, имущественное положение, религия и т.п.) и политическим выбором избирателей воспринимались как прорыв в социальной науке. Хрестоматийными работами, созданными в рамках бихевиоральной парадигмы, являются такие труды, как “Политика: кто получает, когда и как” Г. Лассуэлла (1936)¹⁵, “Выбор народа. Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента” П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годе (1944)¹⁶, “Голосование. Исследование процесса формирования мнения избирателя во время кампании по выборам президента” П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, и У. Макфи (1954)¹⁷, “Избиратель принимает решения” А. Кэмпбелла, Дж. Гурина и У. Миллера (1954)¹⁸, “Политический человек: социальные основания политики” С. Липсета (1960)¹⁹, “Американский избиратель” А. Кэмпбелла, У. Миллера, Д. Стокса, Ф. Конверса, Дж. Гурина (1960)²⁰, “Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах” Г. Алмонда и С. Вербы

¹⁴ *Easton D.* Political science in the United States: past and present. P. 133–152.

¹⁵ *Lasswell H.D.* Politics: who gets what, when, how. Cleveland, 1936.

¹⁶ *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The people’s choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., 1944.

¹⁷ *Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W.* Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago, 1954.

¹⁸ *Campbell A., Gurin G., Miller W.* The voter decides. Evanstone, 1954.

¹⁹ *Lipset S.M.* Political man: the social bases of politics. Garden City; N.Y., 1960.

²⁰ *Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E.* The American voter. N.Y., 1960.

(1963)²¹, “Консенсус и идеология в американской политике” Г. Мак-кроски (1964)²² и др. Однако уже в 60-е гг. в рамках данной научной парадигмы стали выкристаллизовываться существенные ограничения²³.

Критика бихевиорализма

Основные положения критики заключались в следующих утверждениях:

1. **Сложность человеческого поведения.** Оппоненты поведенческого анализа подвергли сомнению аргумент, согласно которому политическое поведение людей характеризуется однородностью, которая может быть зафиксирована через систематическое научное изучение. Критики поведенческого подхода утверждали, что человеческое поведение состоит из многочисленных не поддающихся контролю, а подчас необъяснимых и уникальных факторов, которые постоянно меняются, поэтому все закономерности и генерализации человеческого поведения являются либо неточными, либо тривиальными²⁴.

2. **Сложность верификации (проверки).** Бихевиоралисты утверждали, что все утверждения, обобщения и теории о политическом поведении должны основываться на эмпирическом материале, а у других исследователей должна быть возможность проверить эти утверждения на иных выборках. Критики бихевиорализма указывали на крайне ограниченный набор политических поведенческих актов, которые можно наблюдать. Поведенческий анализ не может фиксировать (а, следовательно, и изучать) многочисленные нормативные, ценностные и идеологические переменные, которые также оказывают влияние на политическое поведение²⁵.

3. **Сложность методов и изменение объекта изучения.** Концентрация внимания на использовании строгих и сложных методов, с точки зрения критиков поведенческого подхода, привела к приоритету изучения методов и методики исследования, а не первоначального объекта. Изучение метода исследования проблемы заняло место

²¹ *Almond G., Verba S.* The civic culture: political attitudes and democracy in five nations // Campbell A. et all. The American voter. N.Y., 1960.

²² *McClosky H.* Consensus and ideology in American politics // The American Political Science Review. 1964. Vol. 58. Iss. 2. P. 361–382.

²³ *Pye L.* The behavioral revolution and the remaking of comparative politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Ed. by E. Robert, Ch.T. Goodin. Oxford, N.Y., 2006. P. 797–805.

²⁴ *Wahlke J.C.* Pre-behavioralism in political science // The American Political Science Review. 1979. Vol. 73. N 1. P. 9–31.

²⁵ *Haass M., Becker L.* The behavioural revolution and after // Approaches to the Study of Political Science / Ed. by M. Haas, H. Kariel. San Francisco, 1970.

изучения самой проблемы: вместо изучения собственно политики, политологи стали изучать как правильно изучать политику. В результате бихевиоралисты потеряли связь с действительностью, они игнорировали реальную политическую жизнь, которая зачастую не поддавалась изучению через предлагаемые методы, а изучали узкие оторванные от реальности проблемы преимущественно методологического характера.

4. Излишнее внимание к количественному анализу. Бихевиорализм приводил доводы в пользу использования количественных измерений и построения математических моделей. Однако с точки зрения критиков поведенческого подхода, политическая жизнь: а) либо включает в себя множество неисчислимых явлений, которые поведенческий анализ, стремящийся к исчислению всего и вся, просто не фиксирует; б) либо вовсе не может быть точно подсчитана. Политические явления столь неточные, сложные и непредсказуемые, что простая фиксация количества и измерение явлений могут предоставить либо сильно ограниченные, либо банальные результаты²⁶.

5. Невозможность игнорировать ценности. Многочисленные замечания в академическом сообществе вызвал тезис бихевиорализма о ценностной нейтральности ученых и их исследований. Основной контраргумент заключался в том, что все актуальные политические проблемы увязаны с ценностями — демократия, свобода, справедливость, расизм, национализм и т.п., поэтому изучение этих явлений в моральном вакууме считалось как минимум сложно осуществимым. Кроме того, поднимался вопрос об объяснительной способности подобного изучения ценностных проблем. Также критики обращали внимание на то, что ученый, выбирая проблему для исследования, опирается не столько на научные критерии, сколько на свои индивидуальные предпочтения, имманентно содержащие ценностные элементы.

Более того, некоторые исследователи обвиняли бихевиорализм в том, что он, заявляя свою ценностную непредвзятость, на самом деле является идеологически ангажированным научным подходом, направленным на сохранение статус-кво (во многом данный тезис появился благодаря работе Т. Куна). Согласно данной точке зрения, бихевиорализм занял распространенные в обществе либерально ориентированные идеологические позиции и выступал против любой попытки поднять морально-этические ценностные вопросы, так как это могло оспорить основы сложившегося политического

²⁶ *Christian B.* A critical evaluation of the behavioral literature // James A., Vincent T. Contemporary Political Thought: Issues and Scope, Value and Direction. N.Y., 1969.

устройства²⁷. Иными словами, критики утверждали, что методологические основания бихевиорализма имеют целью не “объективное” постижение реальности (не производство новых знаний), а “объяснение” реальности в соответствии с существующими представлениями и нормами.

6. Систематизация. Бихевиоралисты утверждали необходимость проведения эмпирических исследований для увеличения и систематизации знания об уже существующих теориях, однако фактически представители поведенческого подхода так и не смогли перейти от эмпирической проверки гипотез к развитию и формированию надежных теорий, описывающих политическое поведение; достижения бихевиоралистов оказались фрагментарными.

7. Изучение политики не может быть “чистой” наукой. С точки зрения критиков бихевиорализма “чисто” научное исследование бесполезно, если оно не может быть использовано для решения существующих социально-политических проблем. За отказ от изучения актуальных социально-политических проблем в пользу выстраивания универсальной теории и получения фундаментальных знаний об объекте сторонники поведенческого анализа обвинялись в социальной безответственности и бегстве в “башню из слоновой кости”²⁸.

8. Возможная потеря идентичности. Критики поведенческого подхода соглашались с тем, что использование знаний и методов из смежных социальных дисциплин может способствовать активному развитию научного знания, однако они обращали внимание на потенциальную опасность размывания идентичности, целостности, а главное независимости политической науки как дисциплины в случае излишнего сближения наук.

60-е гг. XX в. для США были ознаменованы целой чередой политических потрясений: война во Вьетнаме (1965–1975), антивоенные движения (Поход на Пентагон, 1967), студенческие беспорядки (протесты во время съезда Демократической партии США в Чикаго, 1968), восстания афроамериканцев (восстание в Уоттсе, 1965; бунт в Детройте, 1967; беспорядки, последовавшие за убийством М.Л. Кинга, 1968) и коренного населения Америки (инцидент в Вундед-Ни, 1973), “сексуальная революция” и контркультурные движения (Стоунволлское восстание, 1969) и др. Для американских политологов, ранее заявлявших о понимании логики политических процессов американского общества, все эти явления были

²⁷ *Kirn M.E.* Behavioralism, post-behavioralism, and the philosophy of science: two houses, one plagues // *The Review of Politics*. 1977. Vol. 39. N 1. P. 82–102.

²⁸ *Rathore L. S.* The tragedy of political theory // *The Indian Journal of Political Science*. 1990. Vol. 51. N 1. P. 1–14.

полной неожиданностью. Академическое сообщество было вынуждено признать, что происходящие события не вписываются в сформированные его представителями теоретические рамки, поэтому их появление не было предсказано, а их дальнейшее развитие не может быть спрогнозировано.

Исследователи, ранее заявлявшие об открытии универсальных, а главное неизменных закономерностей, столкнулись с трансформацией выявленных ими же взаимосвязей. Социальные характеристики, ранее воспринимавшиеся в качестве детерминант человеческого поведения, все еще сохраняли некоторую привязку к предпочтениям представителей социальных групп, однако направленность этих предпочтений существенно изменилась. Так, в 1960-е гг. дети богатых белых американцев, оплота консерваторов, стали голосовать за демократов, а бедные чернокожие стали оказывать поддержку не демократам, пролоббировавшим для афроамериканцев законы о равных гражданских (1964) и избирательных (1965) правах (политика Д. Кеннеди и Л. Джонсона), а республиканцам (в 1968 г. на президентских выборах победу одерживает республиканец Р. Никсон, а не преемник президента-демократа Л. Джонсона – Х. Хамфри). Объяснительная и прогностическая импотенция политической науки, обнажившаяся на фоне кризисов 1960-х гг., актуализировала потребность в пересмотре положений доминирующей в академическом сообществе исследовательской парадигмы. Результатом научных изысканий в сфере методологических ограничений поведенческого анализа стала модернизация бихевиоралистских принципов и появление пост-бихевиорализма.

Пост-бихевиорализм

Строго говоря, пост-бихевиорализм не является законченной и консолидированной научной парадигмой, он не несет четких исследовательских моделей и включает в свои ряды как непримиримых противников поведенческого подхода в политологии, так и бихевиоралистов-реформаторов (П. Бахрах, К. Бэй, Г. Моргентау, Т. Лови, Г. Касза). Первым попытку систематизации осевых элементов нового методологического направления вновь произвел Д. Истон. В 1969 г. на 65-м Ежегодном съезде Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association) Д. Истон изложил семь методологических нововведений, составивших костяк пост-бихевиорализма²⁹.

²⁹ *Easton D.* The new revolution in political science // *The American Political Science Review.* 1969. N 62. P. 1051–1061.

1. **Сущность/содержание (Substance).** Пост-бихевиорализм провозгласил приоритет содержательной стороны проблемы над методами ее изучения (проблема впереди метода). Для сторонников пост-поведенческого анализа использование строгих и сложных научных методов не является самым важным в исследовании политики, хоть и остается желательным, главное — досконально изучить содержательную сторону проблемы.

2. **Ориентация на социальные изменения.** Уходя от обвинений в защите существующей системы, пост-бихевиорализм выдвинул принцип необходимости преодоления социального консерватизма и устремления к прогрессивному и конструктивному изменению общества. Иными словами, пост-бихевиорализм провозгласил ориентацию на проведение исследований, направленных на улучшение общества, а не на оттачивание методологической безукоризненности.

3. **Реализм.** Компенсируя перегибы поведенческого анализа, пост-бихевиорализм заявил о том, что политологи не должны прятаться в “башню из слоновой кости” и игнорировать остросоциальные проявления человеческого поведения. Поэтому пост-бихевиорализм должен изучать, прежде всего, реальные проблемы, существующие в обществе, и способствовать их решению, и только потом уделять внимание улучшению методов исследования. Данное положение также требовало более пристального внимания к контекстуальным условиям — реальности политического устройства.

4. **Социальная релевантность (уместность).** Еще одним кардинальным разворотом пост-бихевиорализма стала трансформация отношения к релевантности исследований. Согласно воззрениям пост-бихевиоралистов, исследования должны быть направлены на улучшение общества и решение его проблем, а не на выстраивание универсальной теории. Основная задача ученых — улучшение общества и увеличение общего блага.

5. **Ценности.** Пост-бихевиоралисты признали невозможность полного абстрагирования ученого от ценностей³⁰, вследствие чего было решено, что ученый должен руководствоваться исключительно гуманистическими принципами справедливости, равенства, свободы и т.п.

6. **Действия.** Пост-бихевиорализм провозгласил также и принцип социальной ответственности ученых, согласно которому академическое сообщество несет ответственность за процессы, происходя-

³⁰ *Singh B.P.* The problem of value in the post-behavioural era // *The Indian Journal of Political Science.* 1986. Vol. 47. N 3. P. 353–365.

щие в обществе. Наличие социальной ответственности вынуждает ученых не только производить исследования во благо общества, но и принимать активное участие в продвижении своих идей в реформировании государственного устройства, так как исследователь несет ответственность не только за качество научной работы, но и за последствия применения его знаний на практике. “Знать — значит нести ответственность за действие, а действовать — значит участвовать в изменении общества. Созерцательная наука была продуктом XIX в., когда существовало широкое моральное согласие. Современная деятельная наука должна отражать существующий конфликт в обществе по поводу идеалов”³¹.

7. Политизация. Положения пост-бихевиорализма обусловили потребность в активном вовлечении академического сообщества в политическую жизнь общества. Имплементация результатов своих исследований требует от ученых активного проникновения в политическую сферу уже не как исследователей, а как политиков.

Фактически пост-бихевиорализм представляет собой умеренную вариацию классического поведенческого анализа³². Принципиальные отличия пост-поведенческого анализа заключаются в 1) потребности сделать исследование политики в большей степени социально релевантным и 2) отказе от тезиса об идеологической непредвзятости исследователей. Увеличение релевантности эмпирических исследований социально-политическим процессам привело к возвращению исследовательского фокуса в реальный мир, что снизило давление эмпиризма и смягчило требования, предъявляемые к выборке и исследовательскому инструментарию. В противовес лозунгу, используемому бихевиоралистами, — “Лучше быть неправильным, чем нечетким”, — сторонники пост-бихевиорализма выдвинули девиз — “Лучше быть нечетким, чем не соответствующим реальной проблеме”. Тем самым пост-бихевиоралисты утверждали, что неточное и соответствующее реальности знание для общества более важно, чем знание точное, но тривиальное. Признание невозможности ценностной нейтральности ученого в свою очередь привело к трансформации роли исследователя в социальной и политической жизни общества, актуализировало необходимость ответственного отношения к конечному результату научно-

³¹ *Easton D.* The political system: an inquiry into the state of political science. N.Y., 1974. P. 325–327 (Цит. по: *Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учеб. пособ. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (дата обращения: 27.03.2015).

³² *Easton D.* The future of the postbehavioral phase in political science // Contemporary Empirical Political Theory / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 13–46.

исследовательской работы, способствовало укреплению позиций независимых академических сообществ (ассоциаций и саморегулирующихся организаций ученых).

Однако несмотря на переосмысление методологических оснований, бихевиорализм утратил “пальму первенства” в политической науке, пост-бихевиорализму не суждено было стать доминирующим исследовательским подходом³³. Вместе с тем кризис классического поведенческого анализа вызвал импульс, сформировавший в политической науке несколько “новых” методологических подходов. Вдохновленные сначала взлетом, а после и падением бихевиорализма, перенесшего в политологию инодисциплинарное видение политики и естественнонаучный инструментарий психологии и социологии, политологи стали наполнять свой предмет элементами из других наук. При этом изыскания академического сообщества пошли по двум путям: ученые, вдохновившиеся успехами бихевиорализма, стали искать “истину” путем увеличения заимствований из естественнонаучных дисциплин, математизации и квантификации политологии (так возникли системный подход, когнитивная политология, теория рационального выбора)³⁴, а исследователи, указывавшие на методологическую ограниченность бихевиорализма, стали применять к изучению политических явлений новые качественные (нестрогие) методы; в результате движения по этому направлению появились политическая феноменология, политическая герменевтика, коммуникативный подход³⁵.

В заключение стоит несколько слов сказать о современных бихевиоралистах. Современные политологи-бихевиоралисты (Н. Малхотра, Дж. Кросник, Ф. Сциоли, Дж. Дракман, Д. Грин) признают свое нахождение в пост-бихевиоралистской эре и соглашаются с некоторыми критическими замечаниями в адрес используемого ими методологического подхода. Вместе с тем их интерпретации методологических ограничений бихевиорализма не столь жестки.

Потеряв статус представителей доминирующего исследовательского направления, бихевиоралисты более не оспаривают ограниченную социально-политическую релевантность парадигмы, а апеллируют к методологическому плюрализму академического сообщества.

³³ *Dahl R.A.* The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *The American Political Science Review*. 1961. Vol. 55. N 4. P. 763–772.

³⁴ *Ostrom E.* A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: presidential address, American political science association, 1997 // *The American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. N 1. P. 1–22; *Ward H.* Rational choice // *Theory and Methods in Political Science* / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

³⁵ *Contemporary empirical political theory* / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley, 1997.

Их объяснения сводятся приблизительно к следующему: действительно, определенные явления не поддаются фиксации при помощи методов, которые употребляются в поведенческом анализе, целый ряд проблем не может быть изучен в рамках классического и пост-бихевиорализма, однако для их изучения существуют иные методологии, использующие другие методы, ничто не мешает ученым использовать другие методологии. В самом деле, бихевиоралисты акцентируют внимание на методах и процедурах исследования в ущерб актуальным политическим вопросам, но ведь кто-то же должен заниматься изучением методов? На то и существует академическое разделение труда. Более того, на фоне вакханалии, сотворенной постмодернистами над идеей объективных методов в социальных науках, обвинения в методологическом консерватизме и занудстве стали восприниматься скорее как комплимент.

Вместе с тем современные бихевиоралисты отмечают, что довольно распространенное представление о том, что поведенческий анализ не исследует психологические переменные, не совсем верно³⁶. С точки зрения апологетов, бихевиорализм маркирует психологические переменные как ненаблюдаемые или как сложно наблюдаемые, но это не означает, что он их не изучает. Психологические переменные всегда представляли интерес для бихевиоралистов, так как именно они являются теми самыми промежуточными между стимулом и реакцией переменными. Поведенческие акты — это наиболее объективный заключительный элемент в цепочке взаимоотношений человека и политического: верование — аттитюд — намерение — поведение³⁷. И хотя бихевиорализм считает, что большую часть элементов в цепи сложно научно изучать, он проводит огромную работу над систематизацией и измерением этих переменных. Результатами работы бихевиоралистов в данном направлении в частности явились книги Г. Алмонда и С. Вербы, А. Кемпбелла, Р. Инглхарта и К. Вельцеля.

Тезис о невозможности сформировать универсальную теорию из наблюдения за людьми бихевиоралисты парируют тем, что ученые недооценили воздействие контекстуальных условий, но в этом видится вина исследователей, а не парадигмы. Систематический поиск эмпирических закономерностей в поведении продолжает оставаться для представителей поведенческого анализа основой фор-

³⁶ *Adcock R.* Interpreting behavioralism // *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880* / Ed. by R. Adcock, M. Bevir, S. Stimson. Princeton, 2007. P. 180–208.

³⁷ *Fishbein M., Ajzen I.* Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. Reading, 1975.

мирования теорий, проблему и поле для новых исследований они видят в определении того, как поведет себя закономерность при стремительном изменении контекстуальных условий.

По поводу критики слабой прогностической силы поведенческого анализа бихевиоралисты отмечают, что до бихевиористской революции в политической науке не стояло вопроса даже о возможности прогнозирования. Политологи, как правило, занимались тем, что апостериорно рационализировали череду уже произошедших событий и выводили из нее связи³⁸, поэтому слабая прогностическая сила лучше, чем отсутствие оной вовсе. Наряду с этим бихевиоралисты подчеркивают, что значимость поведенческого анализа заключается не столько в его прогностической силе, сколько в успехах в деле выявления возможных последствий событий, уже произошедших или происходящих в данный момент³⁹.

Завершающим аргументом современных бихевиоралистов является указание на распространенность работ, использующих поведенческий анализ в качестве методологического основания. Несмотря на критику бихевиорализм все равно активно используют, критика сняла с бихевиорализма ореол величия, но не создала ему полноценных альтернатив⁴⁰.

Таким образом, в данной работе была рассмотрена история бихевиорализма в политической науке. Был прослежен путь поведенческого анализа от психологической модели до политологической парадигмы, создающей новые исследовательские подходы. Бихевиорализм не только внес в политическую науку новые методы исследования, приблизившие изучение политических процессов к естественнонаучной точности, но еще и задал планку академической щепетильности, трепетного отношения к процессу сбора и обработки данных, формулированию выводов, перевернул существующие представления о том, как должно выглядеть политологическое исследование. И хотя бихевиорализму сильно досталось от всевозможных противников занимаемых им позитивистских позиций, его принципы прочно укрепились в методологических основаниях политологии как дисциплины. Сегодня привнесенный бихевиоралистами в политологию принцип необходимости четкого обоснования используемых методов и строгости в соблюдении ме-

³⁸ *Tagepera R.* Predictive versus postdictive models // *European Political Science*. 2007. N 6. P. 114–123.

³⁹ *Johns R.* Behaviouralism // *The Oxford Handbook of British Politics* / Ed. by M. Flinders, A. Gamble, C. Hay, M. Kenny. Oxford, 2009. P. 92–110.

⁴⁰ *Rose R.* Perspectives on political behavior in time and space // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by R.J. Dalton, H.D. Klingemann. Oxford, 2007. P. 283–304.

тодик является общепризнанным и общеобязательным для исследователей всех обществоведческих дисциплин, а сам поведенческий анализ и по сей день остается популярным направлением в политической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (дата обращения: 27.03.2015).

Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Уч. пособ. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (дата обращения: 27.03.2015).

Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009.

REFERENCES

Adcock R. Interpreting behavioralism // *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880* / Ed. by R. Adcock, M. Bevir, S. Stimson. Princeton, 2007. P. 180–208.

Alekseeva T.A. Sovremennye politicheskie teorii [Modern political theories]. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (data obraschteniya: 27.03.2015)) (in Russian).

Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations // *Campbell A. et al. The American Voter*. N.Y., 1960.

Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago, 1954.

Berndtson E. Behavioralism: origins of the concept', prepared for presentation at the XVIIth World Congress of the International political science association, August 17–21, 1997 Seoul, Korea. URL: <http://www.mv.helsinki.fi/home/berndtso/behavior.htm> (accessed: 27.03.2015).

Bevir M. Meta-methodology: clearing the underbrush // *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford, 2008. P. 48–70.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American voter. N.Y., 1960.

Campbell A., Gurin G., Miller W. The voter decides. Evanstone, 1954.

Christian B. A critical evaluation of the behavioral literature // *James A., Vincent T. Contemporary Political Thought: Issues and Scope, Value and Direction*. N.Y., 1969.

Contemporary empirical political theory / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley, 1997.

Dahl R.A. The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *The American Political Science Review*. 1961. Vol. 55. N 4. P. 763–772.

Easton D. Political science in the United States: past and present // *International Political Science Review. Revue internationale de science politique*. 1985. Vol. 6. N 1. P. 133–152.

Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism // *Limits of Behavioralism in Political Science* / Ed. by J.C. Chatsworth. Philadelphia, 1962. P. 1–25.

Easton D. The current meaning of behaviouralism // *Contemporary Political Analysis* / Ed. by J.C. Chatsworth. N.Y., 1967.

Easton D. The future of the post-behavioral phase in political science // *Contemporary Empirical Political Theory* / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 13–46.

Easton D. The new revolution in political science // *The American Political Science Review*. 1969. N 62. P. 1051–1061.

Easton D. The political system: an inquiry into the state of political science. N.Y., 1974.

Eesuola K. Political behavior. Lagos, 2013. URL: http://www.nou.edu.ng/NOUN_OCL/pdf/SASS/POL318%20POLITICAL%20BEHAVIOR.pdf (accessed: 27.03.2015).

Fishbein M., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. Reading, 1975.

Haass M., Becker L. The behavioural revolution and after // *Approaches to the Study of Political Science* / Ed. by M. Haas, H. Kariel. San Francisco, 1970.

Johns R. Behaviouralism // *The Oxford Handbook of British Politics* / Ed. by M. Flinders, A. Gamble, C. Hay, M. Kenny. Oxford; N.Y., 2009. P. 92–110.

Kirn M.E. Behavioralism, post-behavioralism, and the philosophy of science: two houses, one plague // *The Review of Politics*. 1977. Vol. 39. N 1. P. 82–102.

Kollinz P. Chetyre sociologicheskikh tradicii [Four sociological traditions]. M., 2009 (in Russian).

Lasswell H.D. Politics: who gets what, when, how. Cleveland, 1936.

Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., 1944.

Lipset S.M. Political man: the social bases of politics. Garden City; N.Y., 1960.

McClosky H. Consensus and ideology in American politics // *The American Political Science Review*. 1964. Vol. 58. Iss. 2. P. 361–382.

O'Donohue W., Kitchener R. Handbook of behaviorism. Boston, 1999.

Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: presidential address, American political science association, 1997 // *The American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. N 1. P. 1–22.

Pye L. The behavioral revolution and the remaking of comparative politics // *The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis* / Ed. by R.E. Goodin, Ch.Tilly. Oxford; N.Y., 2006. P. 797–805.

Rathore L.S. The tragedy of political theory // *The Indian Journal of Political Science*. 1990. Vol. 51. N 1. P. 1–14.

Rose R. Perspectives on political behavior in time and space // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford; N.Y., 2007. P. 283–304.

Sanders D. Behaviouralism // *Theory and Methods in Political Science* / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

Singh B.P. The problem of value in the post-behavioural era // The Indian Journal of Political Science. 1986. Vol. 47. N 3. P. 353–365.

Tagepera R. Predictive versus postdictive models // European Political Science. 2007. N 6. P. 114–123.

Truman D. The impact on political science of the revolution in the behavioral sciences // Research Frontiers in Politics and Government. Washington, 1955.

Vasilenko I.A. Administrativno-gosudarstvennoe upravlenie v stranah Zapada: SShA, Velikobritanija, Francija, Germanija: Uch. posob. [Administrative public administration in the countries of the West: USA, Great Britain, France, Germany: education guidance]. M., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (data oratsheniya: 27.03.2015)) (in Russian).

Wahlke J.C. Pre-behavioralism in political science // The American Political Science Review. 1979. Vol. 73. N 1. P. 9–31.

Ward H. Rational choice // Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.